

иметь значительную самостоятельность, поднимаясь до художественной оригинальности⁴. Относительно сходства некоторых мест книги Варуха с позднейшими памятниками священной письменности (Дан., Неем., IV Ездр., Псалм. Солом.) о. Антоний обстоятельно выясняет, что первоначальность из этих случаев принадлежит книгѣ Варуха, при чемъ въ частности относительно почти буквального сходства между молитвами Варуха (I, 15—II, 19) и Давіи́ла (IX, 5—19) онъ, пользуясь известной гипотезой, построенной на основаніи Вар. I, 14, развиваетъ ту мысль, что молитва Варуха задолго до времени Давіи́ла сдѣлалась общенародною церковною молитвою и что Давіи́лъ въ IX, 5—19 пользуется этой молитвой, заимствуя ее изъ литургическаго чина (?) и „произнося нечто изъ него по памяти“. Въ подтвержденіе этой мысли о. Антоній говоритъ: „Давіи́лъ исповѣдуются за *жителей Иерусалима*, между тѣмъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, что произносилъ свою молитву въ первый годъ Дарія, сына Ассиурова, изъ рода Мидійскаго (IX, 1), т. е. въ 538 г. до Р. Хр. и 63 году плѣна, когда *Иерусалимъ давно былъ необитаемъ и вся іудейская страна была безъ жителей*. Чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ явный анахронизмъ въ устахъ Давіи́ла, какъ не допущеніемъ, что въ данномъ стихѣ онъ приводитъ текстъ церковной молитвы, существовавшей до 584 года (стр. 55)?⁵“. По возводимое о. Антоніемъ на пр. Давіи́ла обвиненіе въ анахронизмѣ едва ли справедливо. Изъ сравненія молитвы Варуха съ молитвою Давіи́ла видно, что послѣдній не былъ связанъ текстомъ первой. Въ молитвѣ Давіи́ла, какъ допускаетъ самъ о. Антоній, есть соответственныя его времени дополненія и сокращенія, есть и отступленія „въ разстановкѣ стиховъ“; въ одномъ выраженіи ея (Дан. IX, 14) о. Антоній усматриваетъ даже стремленіе къ уясненію фразы Варуха. Все это, — помимо того, что намъ известно о самомъ пророкѣ Давіи́лѣ, — приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что пророкъ Давіи́лъ не могъ какъ бы механически, безсознательно повторять слова

готовой церковной молитвы, — заимствовать изъ нея то, что въ его устахъ не имѣло никакого смысла, обращаться къ Богу съ молитвою отъ лица людей, которыхъ совѣтъ не существовало. Указываемый о. Антониномъ анахронизмъ намъ кажется лишь мнимымъ. Едва ли мы имѣемъ основаніе утверждать, что вавилонскій плѣнъ сопровождался поголовнымъ выселеніемъ всѣхъ іудеевъ безъ исключенія изъ ихъ отечества. Значительное число ихъ оставалось во время плѣна въ своемъ отечествѣ, какъ это выясняютъ, напр., Смендъ, Реналь, Зейнеке, Штаде, Тиле, Калеръ. Прямое свидѣтельство объ этомъ находится въ 1 Ездр. IV, 21: „И ѣли сыны Израилевы, возвратившіеся изъ переселенія, и всѣ отдѣлившіеся къ нимъ отъ нечистоты народомъ земли, чтобы приобщаться къ Господу Богу Израилеву“, гдѣ подъ отдѣлившимися къ возвратившимся плѣнниками, по мнѣнію почти всѣхъ новѣйшихъ экзегетовъ, какъ Берто, Рисселя, Кейля, Камингаузена, Эттля, разумѣются потомки тѣхъ іудеевъ и израильтянъ, которые не были уведены въ плѣнъ ассиріянами и вавилонянами, но остались на родинѣ (см. A. Köhler Lehrb. d. bibl. Gesch. II, 2, Erlang. 1893. § 510—511). Поэтому вполне естественно, что пр. Давидъ въ своей молитвѣ упоминаетъ не только объ іудеяхъ и израильтянахъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ, но и о „жителяхъ Іерусалима“.

Далѣе о. Антонинъ весьма обстоятельно и основательно трактуетъ о единствѣ книги и подробно излагаетъ исторію ея. Онъ подвергаетъ подробному разбору мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые разрываютъ книгу Варуха на нѣсколько разнородныхъ фрагментовъ, и выясняетъ ихъ несостоятельность. Онъ признаетъ также мало доказательнымъ дѣлаемое нѣкоторыми критиками „различеніе глоссематическихъ прибавленій“. По его мнѣнію, вся книга принадлежитъ одному писателю, Варуху, но введеніе (I, 1—I, 14) было написано имъ и присоединено къ книгѣ въ видѣ удостовѣрительной справки о ней, послѣдствіи, и именно тогда, когда вавилонскіе іудеи, прослушавъ

книгу Варуха, признали нужнымъ послать ее къ своимъ братьямъ въ Иерусалимъ. Но личность пр. Иереміи въкорѣ послѣ того заслонила собою личность его ученика, Варуха, и въ словахъ послѣдняго стала видѣть пророчества Иереміи и ихъ исполненіе. И книга его сохранялась дотолѣ, пока прикрѣплась именемъ Иереміи, возстановленіе же самостоятельности книги было началомъ ея исчезновенія. Къ IV вѣку еврейскій подлинникъ ея совершенно утратился. Во время Иеронима и Елифанія Кипрскаго еврейской книги Варуха уже не существовало; съ этого времени она встрѣчается въ обращеніи только въ греческомъ переполѣ и цитруется до IX в. болѣею частью подъ именемъ Варуха. Изложенныя положенія болѣе или менѣе твердо обосновываются авторомъ на анализѣ содержанія книги и на историческихъ свидѣтельствахъ. Но въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ его замѣчается нѣкотораго рода неопредѣленность или непослѣдовательность. Такъ, авторъ, ссылаясь на 2 Макк. II, 1—3, утверждаетъ, что книга Варуха „еще подъ именемъ Иереміи была извѣстна во время Иуды Маккавея и была у него въ домашней библіотекѣ (стр. 70)“, но далѣе самъ онъ признаетъ упоминаніе о книгѣ Варуха въ Макк. II, 1—3 „довольно темнымъ (стр. 71)“. На стр. 39—40 онъ говоритъ, что „трудно рѣшить, была ли еврейская книга Варуха подѣлками у Оригена“. Одни изслѣдователи видятъ указаніе на нее въ Оригеновомъ перечисленіи ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ подъ обозначеніемъ Βιβλίον Ἰερεμίου, другіе подъ обозначеніемъ Ἐπιστολὴ Ἰερεμίου. „Предположенія“, говоритъ онъ, „одинаково вѣроятныя, но они ослабляются замѣчаніемъ кодекса (Vaticanus'a и миланскаго сиротекзаплическаго, что въ Оригеновыхъ гекзатлахъ Βαρούχ βλος ὀβελίσται κατὰ δ' (LXX), откуда, повидимому, слѣдуетъ, что Оригену еврейская книга Варуха не была извѣстна“. Но на стр. 80 онъ признаетъ тѣхъ, которые подъ посланіемъ Иереміи, въ перечисленіи каноническихъ книгъ у Оригена разумѣютъ книгу Варуха, нелогичнымъ и недопустимымъ потому, что „въ его гекзатлахъ

послание отдѣлено отъ книги Варуха и слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: Іеремія, Варухъ, Плачъ и Послание. Если же онъ книги Варуха не называетъ, то (спрашиваетъ авторъ) что это значить? Или то, что она была ему вовсе неизвѣстна, или признавалась имъ почему либо неканонической или, наконецъ, была на лицо въ имѣвшемся у него подъ руками еврейскомъ спискѣ, не возбуждала у него никакихъ недоумѣній и обозначена въ имени Іереміи? Первое и второе предположеніе опровергаются случаями Оригеновыхъ цитатъ изъ нашей книги, и притомъ, какъ книги священной, а третье, напротивъ, подкрѣпляется тѣмъ, что въ теченіе всѣхъ першихъ девяти вѣковъ книга Варуха приводилась у отцовъ подъ именемъ книги Іереміи; это же поддерживаютъ и критическіе знаки Оригеновыхъ текстовъ, свидѣтельствующіе объ извѣстности Оригену еврейскаго текста книги Варуха. А на стр. 82 онъ уже прямо утверждаетъ, что Оригенъ сличалъ еврейскую Библію съ греческимъ текстомъ и находилъ въ ней книгу Варуха. На стр. 71 онъ говоритъ, что „трудно съ рѣшительностью утверждать, переводилъ ли еврейскую книгу Варуха или улучшалъ греческую Θεодотіонъ, хотя, кажется, правдоподобнѣе принимать первое“, а на стр. 82 рѣшительно заявляетъ: „Θεодотіонъ переводилъ еврейскую Библію и находилъ въ ней книгу Варуха“.

Изложивъ подробно исторію книги, авторъ съ такою же обстоятельностью трактуетъ о церковномъ значеніи ея и приходитъ къ заключенію, что она должна быть отнесена къ числу неканоническихъ писаній,—заключенію, обстоятельно мотивированному и весьма важному въ виду того разногласія, какое существуетъ относительно этого вопроса среди нашихъ богослововъ. Но это заключеніе, повидимому, не мирится съ мыслью автора, что Θεодотіонъ переводилъ, а Оригенъ сличалъ еврейскую Библію съ греческимъ текстомъ, и оба находили въ ней книгу Варуха, а потому самъ авторъ ставитъ вопросъ: какъ она могла попасть въ еврейскій сборникъ, къ тому времени уже твердо установившійся, не будучи кнпгою канониче-

ской? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторомъ высказывается предположеніе, что „при нѣкоторой неразборчивости, она могла быть соединена съ книгою прор. Іеремія (гдѣ-нибудь въ Палестинѣ (стр. 83)“ и такимъ образомъ попасть въ еврейскій сборникъ. Но нельзя сказать, чтобы это предположеніе могло служить вполне удовлетворительнымъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ, и въ умѣ читателя естественно можетъ возникнуть мысль: имѣлъ ли авторъ достаточныя данныя для своей уверенности въ томъ, что Θεодотіонъ и Оригенъ имѣли у себя подъ руками еврейскій оригиналъ книги Варуха?

Наиболѣе интересную и цѣнную въ научномъ отношеніи часть разсматриваемаго сочиненія составляетъ отдѣлъ о древнихъ переводахъ книги Варуха: греческомъ, сирскомъ-Пешито, сирогекзаплическомъ, двухъ латинскихъ, арабскомъ, коптскомъ, армянскомъ, грузинскомъ, славянскомъ и русскомъ. Авторъ производитъ подробный, тщательный и въ высшей степени кропотливый анализъ этихъ переводовъ и опредѣляетъ ихъ взаимное отношеніе и значеніе для возстановленія первоначальнаго еврейскаго текста. Изъ всѣхъ переводовъ только греческій, по мнѣнію автора, произошелъ непосредственно изъ еврейскаго первоначальнаго текста, прочіе же произошли изъ греческаго перевода, и лишь сирскій-Пешито содержитъ въ себѣ слѣды непосредственнаго соприкосновенія съ еврейскимъ оригиналомъ. Поэтому авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этихъ двухъ переводахъ, какъ на имѣющихъ наиболѣе важное значеніе для возстановленія первоначальнаго текста книги. Языкъ греческаго перевода книги Варуха представляетъ значительное сходство съ языкомъ LXX и въ особенности съ языкомъ перевода книги Іереміи, откуда авторъ заключаетъ, что разсматриваемый переводъ произошелъ одновременно съ переводомъ прочихъ книгъ Библіи, извѣстнымъ подъ именемъ перевода LXX, и сдѣланъ однимъ переводчикомъ, и именно тѣмъ, которому принадлежитъ переводъ книги Іеремія. Разности языка и стиля, явно обнаруживающіяся въ греческомъ переводѣ

при сличеніи первой части книги со второю, о. Антонинъ, вопреки мнѣнію большинства изслѣдователей, объясняет не принадлежностію перевода двумъ различнымъ переводчикамъ или авторамъ, а различіемъ въ самомъ содержаніи и характерѣ двухъ частей книги. Греческій переводъ содержитъ въ себѣ явные слѣды происхожденія изъ еврейскаго текста, но не служитъ вѣрнымъ отобразомъ еврейскаго оригинала, который былъ испорченъ погрѣшностями какъ самаго переводчика, такъ переписчиковъ и спранщиковъ перевода. Первовидъ греческаго перевода можетъ быть восстановленъ чрезъ сличеніе различныхъ списковъ этого перевода между собою и съ другими переводами, путемъ заключеній отъ предполагаемаго оригинала къ переводу и путемъ предположеній. Первоначальное чтеніе почти вездѣ оказывается на сторонѣ большинства рукописей и свидѣтельство той или другой изъ нихъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ она древнѣе и чѣмъ менѣе она имѣетъ отличающихъ ее варіантовъ, — прогрессивное увеличеніе варіантовъ въ рукописяхъ въ общемъ соответствуетъ ихъ хронологической послѣдовательности. Но распредѣленіе рукописей по числу варіантовъ приводитъ автора къ результатамъ сомнительнаго характера: изъ числа 26 греческихъ списковъ имѣющимъ наименѣе варіантовъ и самымъ близкимъ къ первотексту оказывается cod. XII (Marchalianus) VIII в., второе мѣсто занимаетъ cod. II (Vatic), шлтое cod. 229 (XIV в.), а cod. III (Alexandrin.) занимаетъ 16-е мѣсто, хотя александрійскій рецензій, по словамъ автора, „является древнѣйшимъ переводомъ еврейской книги, послужившимъ подлинникомъ для всѣхъ остальныхъ его версій (стр. 87)*. Сомнительными кажутся намъ и слѣдующія сужденія автора (стр. 101): „такъ какъ греческіе *списки* книги Варуха мы не имѣемъ раньше V в. (III cod.), между тѣмъ большинство иноязычныхъ (негреческихъ) *переводовъ* произошло до этого времени, то отсюда вытекаетъ важное значеніе послѣднихъ, какъ критическихъ аппаратовъ. Но имиъ мы можемъ провѣрить греческій текстъ въ болѣе раннее время, чѣмъ къ какому относятся вавилонскіе греческіе ко-

декем. При этой поѣрѣ особое значеніе, понятно, будетъ имѣть тотъ изъ переводовъ, какой можно будетъ не только соотносить къ греческому, но и поставять въ параллель (?) съ нимъ. Таковъ именно сирскій переводъ Пенинто, хотя стѣсанный по греческому тексту, но вмѣстѣ съ этимъ содержащій въ себѣ слѣды сопрякосновенія съ еврейскимъ оригиналомъ. Этотъ приемъ отодвигаетъ въ далекую древность многія изъ принятыхъ уже нами чтеній и сообщаетъ имъ авторитетъ, граничащій съ первоначальностію (?)*. Авторъ здѣсь прежде всего опускаетъ изъ вниманія cod. H (vatic.), въ которомъ мы, по общепринятому мнѣнію критиковъ, имѣемъ текстъ IV в. и который, по словамъ Фритидне „antiquissimus est et bonitate reliquis omnibus antecedit (Libr. apoc. p. IX)“, и составляетъ величій несоизмѣрима: списокъ съ самими переводами, умалчивая о томъ, къ какому именно времени относятся *списки* и *искозычныхъ* переводовъ. Онъ не сообщаетъ свѣдѣній даже ни о времени происхожденія нѣкоторыхъ изъ сличаемыхъ имъ переводовъ, ни о тѣхъ печатныхъ изданіяхъ, которыми онъ пользуется при сличеніи нѣкоторыхъ переводовъ. Между тѣмъ эти свѣдѣнія кажутся намъ необходимыми уже потому, что не всѣ списки и печатныя изданія представляютъ одинаковую *важность* въ научномъ отношеніи, и что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ древніе переводы исправлялись по пономъ или даже замѣнялись пономъ. Такъ, въ грузинской Библии, изданной въ Москвѣ въ 1743 году, много было исправленій по славянской Библии, а нѣкоторыя книги прямо переведены съ славянскаго перевода. Намъ кажется не заслуженнымъ также то невниманіе, которое авторъ оказываетъ святоотеческимъ цитатамъ изъ книги Варуха какъ здѣсь, такъ во многихъ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, въ которыхъ онъ большею частью ограничивается глухими ссылками: „см. Златоустъ“ или „ср. Θεοδωρῆς“ и т. под. Болѣе вниманія автору слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, удѣлить также *этиканскому* и *александрійскому* кодексамъ въ виду общепризнанной важности ихъ для текстуальной критики. Свѣдѣнія о гре-

ческих кодексах онъ почерпаетъ изъ изданій Holmes—Parsons и Fritzsche: по текстъ этихъ изданій представляеть много отступленій отъ лежащаго въ основѣ ихъ ватиканскаго кодекса, и хотя первое изъ нихъ доселѣ остается единственнымъ и фундаментальнымъ для критико-текстуальныхъ работъ, какъ дающее наиболѣе полныя указанія рукописныхъ разночтеній, но указанія эти не отличаются точностію. Поэтому, если авторъ не могъ воспользоваться лондонскою копіею александрійскаго кодекса (1879—1883 г.) и новѣйшимъ римскимъ изданіемъ ватиканскаго кодекса (Vercellone-Cozza), то ему слѣдовало бы обратиться къ весьма доступной англійской перепечаткѣ ватиканскаго кодекса въ изданіи Сунта (Swete), гдѣ отмѣнены также важнѣйшія разночтенія александрійскаго кодекса гораздо точнѣе, нежели въ изданіи Holmes—Parsons. Что касается въ частности перевода Пешито, то относительно него у автора замѣчается нѣкотораго рода шаткость. Такъ, на стр. 40 онъ говоритъ: „въ Пешито сохраняются слѣды версии, сдѣланной *первоначально* (?) или исправленной по еврейскому оригиналу“; и на стр. 71: „зная еврейскую книгу Варуха *авторъ* (?) сирскаго Пешито, поправлявшій по ней свой переводъ, сдѣланный съ греческаго текста“; но авторъ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу происхожденія тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ видитъ слѣды еврейскаго оригинала, отъ самого автора Пешито, и, безъ сомнѣнія, онъ гораздо ближе стоитъ къ истинѣ, когда относитъ (на стр. 106) эти мѣста къ числу тѣхъ многочисленныхъ поправокъ и дополненій, которымъ этотъ переводъ подвергался въ *позднѣйшія* времена. Вполнѣ справедливо авторъ признаетъ послѣднимъ предположеніе Кнейкера о зависимости сирскаго перевода Пешито отъ Vet. Lat. а.; но не менѣе послѣдностію обнаруживаетъ, какъ намъ кажется, и самъ о. Антонинъ, настаивая на зависимости второго изъ этихъ переводовъ отъ перваго. Если эти два перевода согласуются въ нѣкоторыхъ, — и именно немногихъ, — словахъ и выраженіяхъ (какъ напр. опущеніе *et* въ I, 1; присоедине-

nie Dominum nostrum къ Domini въ I, 17 и т. под.), то относительно этого слѣдуетъ сказать то же, что говорить самъ онъ объ отношеніи арабскаго перевода къ Vet. Lat. ад. въѣ эти согласія слишкомъ незначительны, чтобы отъ нихъ заключать о зависимости одного перевода отъ другого. Въ то время какъ одни изъ нихъ коренятся въ тождествѣ древне-греческихъ текстовъ, не дошедшихъ до насъ (или, можетъ быть, оставшихся неизвѣстными автору), другія вытекаютъ изъ общаго неимѣ переводчикамъ и сирасицамъ стремленія уяснить или дополнить представлявшійся недостаточнымъ текстъ (см. стр. 131). Нѣкоторые изъ приводимыхъ о. Антониномъ примѣровъ прямо указываютъ, вопреки его мнѣнію, на зависимость отъ греческаго текста. Такъ, напр., подлежащее Dominus въ II, 2 служитъ повтореніемъ этого слова, находящагося въ предшествующемъ стихѣ и соотвѣствующаго греческому Κύριος; въ II, 7 слова omnia laetentur est... omnia mala haec quae venerunt super nos (такъ читается въ изданіи Рейзе и Тиссендорфа, а не noluit, какъ читаютъ Кнейкеръ и о. Антонинъ) являѣ соотвѣствуютъ чтенію греческихъ списковъ ὅτι ἐλάλησαν... πάντα τὰ κακά ταῦτα ἃ ἤλθεν ἐφ' ἡμᾶς (такъ именно читается также въ cod. Valic., въ которомъ недостаетъ лишь слова ὅτι). Въ подтвержденіе своей мысли о зависимости латинскаго перевода отъ Пешито о. Антонинъ говоритъ: „мы знаемъ, какъ естественно произошло въ сирскомъ амплификація Вар. II, 19, латинскій же намъ ея не объясняетъ (стр. 119)“. Въ сирскомъ эта амплификація составляетъ одну изъ многихъ глоссъ, старающихся объединить, по словамъ автора, два разныхъ чтенія, еврейское и греческое: „переведенное первоначально правильно, въ сопоставленіи съ греческимъ κατὰ ἕλλομεν τὸν ἔλεον, изложено такъ: „просимъ у тебя милости и повергаемъ молитвы наши (стр. 106)“. Но чтеніе vet. lat.: nos fundimus preces et petimus misericordiam ante conspectum Tuum, Domine Deus noster.“ уже вслѣдствіе значительнаго отличія отъ текста Пешито сама ли мы имѣемъ основаніе объяснять изъ позднѣйшаго глоссема-

тического дополненія сирскаго текста: оно могло возникнуть непосредственно на основаніи греческихъ колексовъ, разночтенія которыхъ даютъ основаніе понимать ἔλεος въ смыслѣ молитвы, и въ смыслѣ милости или милосердія, или же произойти изъ греческой глоссы, вошедшей также въ Пешито, т. е. изъ одного общаго источника для обоихъ текстовъ. „Кромѣ того“, продолжаетъ о. Антонинъ, „нѣкоторыя чтенія и прибавки носятъ въ себѣ семитическій или сиріастическій (?) характеръ и не могли (?) произойти въ латинскомъ языкѣ; таковы: *projeeta sunt in calore solis et in gelu noctis* (II, 25), *deputatus es cum descendentibus in infernum* (III, 11). Но всему этому представляющееся сходство переводовъ надо истолковывать въ смыслѣ зависимости Vet. Lat. а. отъ сирскаго. Это особенно, наглядно подтверждается ошибочнымъ чтеніемъ *flumen Sodii* (греч. Σοδδ, Σοδδ) I, 4,“ которое вышло, по объясненію автора, изъ грамматическаго разбора слова *Sudi* (?), стоящаго въ Пешито съ членомъ, за *genitivus* (стр. 119—120). Но и съ этими заключеніями автора едва ли можно согласиться. Въ *calore* естественнѣе всего можно видѣть одну изъ самыхъ обычныхъ ошибокъ писца, пропустимаго конечную букву *m*, обозначающуюся чертою надъ послѣднею гласною буквою (въ данномъ случаѣ надъ *e*) и такимъ образомъ признать здѣсь не творительный, а винительный падежъ, т. е. весьма обычную при *projeeto* конструкцію *in cum accusat.* Но нельзя назвать вполне необычною здѣсь и конструкцію *in cum ablat.*, и самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 115) указываетъ въ разсматриваемомъ переводѣ 13 случаевъ употребленія *in* съ творительнымъ падежъ, вмѣсто винительнаго, не находящихъ соответствія въ сирскомъ текстѣ; также въ другихъ книгахъ латинской Библии черѣдко употребляется *in* съ творительнымъ падежомъ вмѣсто винительнаго соответственно употребленія предлога *ἐν* въ греческой Библии, а что въ разсматриваемомъ мѣстѣ греческаго текста могло быть *ἐν*, это видно изъ параллельнаго мѣста Іереміи XLIII, 30: *ἐστὶ ἐρριμένον*

ἐν τῷ καὶ τῇ τῆς ἡμέρας καὶ ἐν τῷ πρὸς τῆς νύκτος. Слова: deputatus es cum descendantibus и пр. вполне соответствуют, безъ сомнѣнiя, греческому тексту (сн. код. 22); а аналогичныя конструкции встрѣчаются и въ латинской Библии (Luc. XX, 37: cum iniquis deputatus est) и у нѣкоторыхъ писателей, какъ у Тертулліана, Иеронима и др. Что же касается слова *Sodi*, то употребленіе здѣсь родительнаго падежа естественнѣе всего можно объяснить изъ пониманiя греческаго слова Σοῦς въ смыслѣ мѣстности или страны, потому что въ такихъ случаяхъ *flumen* обыкновенно употребляется съ родительнымъ падежомъ (сн. *flumen Aegypti* или *Aethiopiae* и т. под.); кромѣ же сирскаго текста въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе неуброитно, что самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненiя (стр. 108, 204), подобно Кнейкеру (стр. 99 и 167), читаетъ рассматриваемое слово въ сирскомъ текстѣ съ конечнымъ *d*, а не *g*, то есть въ формѣ *Zur*, ясно показывающей, что не изъ нея произошло латинское *Sodi*, а изъ Σοῦς. Такимъ образомъ мнѣніе о. Антонина о зависимости *Vet. Lat.* а отъ Перито едвали можно принять за достовѣрное, какъ покояющееся на слишкомъ шаткихъ основанiяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пасть и другое, основывающееся на этомъ, мнѣніе его о предпочтительной древности сирскаго текста предъ *Vet. Lat.* а., тѣмъ болѣе, что, по собственнымъ словамъ автора, никакихъ свидѣтельств о существованiи книги Варуха къ сирскомъ переводѣ до IV в. (до Ефрема Сириня) мы не имѣемъ (стр. 102), между тѣмъ какъ рассматриваемый латинскій переводъ цитируется уже въ III в. Киприаномъ и Тертулліаномъ (стр. 112). Весьма интересна въ рассматриваемомъ отдѣлѣ характеристика языка и стиля обоихъ латинскихъ переводовъ книги Варуха. Но, къ сожалѣнію, авторъ иногда относитъ къ особенностямъ языка то, что никакого отношенiя къ нимъ не имѣетъ. Такъ, напр., онъ указываетъ, какъ на одну изъ особенностей языка *Vet. Lat.* а., на „сочиненіе предлоговъ творительнаго падежа съ винительнымъ (165)“, и въ доказательство этого ссылается на *ab* въ III, 7.

Но здѣсь мы имѣемъ дѣло, безъ сомнѣнія, не съ особенностью языка, а съ одною изъ самыхъ обычныхъ ошибокъ переписчиковъ, весьма часто дѣлавшихъ лишнія черты ($=m$) надъ конечными гласными, или же съ опечаткою того изданія, которымъ пользовался о. Антонинъ. Въ изданіи Гейзе и Тишендорфа читается *ab iniquitate*, а не *iniquitatem*. *Mittere ad aliquem* онъ признаетъ за подражаніе греческому тексту ἀποστέλλειν πρὸς τινά (стр. 113); но эта конструкція составляетъ довольно обычное явленіе у римскихъ писателей не только послѣ классическаго, но и классическаго періода. Впрочемъ, ответственность за нѣкоторыя погрѣшности въ этомъ отдѣлѣ раздѣляетъ и съ о. Антониномъ и Кнейкеръ, у котораго онъ занималъ разсматриваемую характеристику, лишь нѣсколько дополнивъ ее, и при помощи котораго онъ пользуется известнымъ сочиненіемъ Ренша „*Itala und Vulgata*“, составляющимъ одно изъ главныхъ пособій для изученія языка древне-латинскихъ переводовъ Библіи. Нельзя также не пожалѣть о томъ, что автору остались, повидимому, неизвѣстными повѣщія ученыя работы относительно древне-латинскихъ библейскихъ списковъ, какъ напр. труды Верже (Verger), въ которыхъ авторъ могъ бы найти для себя, по всей вѣроятности, не мало полезныхъ указаній. Тѣмъ не менѣе отдѣлъ о латинскихъ переводахъ слѣдуетъ признать однимъ изъ наиболее интересныхъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Мысль о вліяніи перваго латинскаго перевода (а) на второй (b) и о происхожденіи обоихъ ихъ изъ греческаго развита авторомъ обстоятельно и обоснована твердо. Относительно сирво-текзаплическаго перевода мы позволяемъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Изъ разсмотрѣнія этого перевода и сравненія его съ другими переводами авторъ приходитъ къ заключенію, что онъ не столько важенъ самъ по себѣ, сколько по его Миланской рукописи съ ея палеографическими особенностями и критическими отмѣтками и въ частности съ ея поэмѣтками противъ I, 17 и II, 3: „*hoc non positum in hebraeo*“. Въ этихъ послѣднихъ авторъ усматриваетъ „един-

ественное свидетельство о сиринском подлиннике книги Варуха (стр. 112, ст. 40)". По рассматриваемый перевод был сделан, как говорить сам автор, монофизитским епископом Павлом Тельским по греческому тексту Оригеновых лекций в 616—617 г., а Миланская рукопись его относится к VIII в.; между тем как, по собственным его словам, к IV вeku еврейский подлинник книги Варуха совершенно был утрачен; во время Иеронима и Епифания Кипрского еврейской книги Варуха уже не существовало, и с этого времени книга встречается в обращении только в греческом переводе (стр. 71). Отсюда, кажется, прямой вывод, что означенных пометках, которые не могли явиться ранее VIII в., речь идет не о еврейском подлиннике, который в то время уже не существовал, а о позднейшем еврейском переводе греческого текста, или, может быть, о какой-либо переделке. Къ этому заключению склоняет нас также замѣчаніе автора на стр. 221, что выраженіе въ I, 17, означенное, какъ „positum in hebraeo“, въ действительности находилось въ сиринскомъ оригиналѣ. Рассмотрѣвъ затѣмъ подробно арабскій переводъ, авторъ замѣчаетъ, что „написаніе“ въ этомъ переводѣ („Послание Пророка Варуха“) „представляетъ синтезъ сирской и греческой титулы (стр. 133)". Но авторъ не говоритъ, что именно вошло въ это написаніе изъ „греческой титулы“. Посланиемъ Варуха именуется книга въ Пешито (по Вальтову), но не въ одномъ изъ греческихъ списковъ Варухъ, насколько намъ извѣстно, не титулуется пророкомъ. Входить въ рассмотрение той части работы автора, которая посвящена сличенно переводовъ сирскаго, арабскаго, коптскаго, эфиопскаго, армянскаго и грузинскаго, мы не считаемъ необходимымъ, потому что эта часть, хотя и имѣющая цѣнность въ научномъ отношеніи, совершенно почти недоступна для большинства нашихъ богослововъ, изъ которыхъ лишь весьма немногіе обладаютъ знаніемъ одного или двухъ изъ этихъ языковъ, а обладающихъ знаніемъ всѣхъ этихъ языковъ едва-ли найдется болѣе двухъ.

трехъ лицъ среди нашихъ библіологовъ. Кромѣ общенаучныхъ интересовъ автору, при разсмотрѣніи переводовъ, слѣдовало бы имѣть въ виду также потребности нашего русскаго богословія и въ этихъ видахъ есѣ, обильно приводимыя имъ, мѣста на мало-извѣстныхъ языкахъ сопровождать русскимъ переводомъ. Этотъ пробѣлъ въ разсматриваемомъ сочиненіи тѣмъ болѣе замѣтенъ, что авторъ не даетъ русскаго перевода даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ действительно необходимъ не только съ спеціально-русской, но и съ общенаучной точки зрѣнія. Такъ, напр., на стр. 108 авторъ говоритъ, что латинскій переводъ, изданный Вальтономъ, не вездѣ буквально соответствуетъ сирскому тексту (стр. 108), и затѣмъ приводитъ длинный рядъ мѣстъ изъ изданія Вальтона на сирскомъ и латинскомъ языкѣ, и не только не исправляетъ латинскій переводъ и не даетъ своего, болѣе точнаго перевода, но даже не объясняетъ, въ чемъ именно онъ усматриваетъ несоотвѣтствіе латинскаго перевода сирскому тексту.

Но вознагражденіемъ за этотъ пробѣлъ въ нѣкоторой степени служитъ то особое вниманіе, которое авторъ оказалъ славянскому и русскимъ переводамъ книги. Въ этомъ отдѣлѣ, представляющемъ особый интересъ для русскихъ богослововъ, авторъ разсматриваетъ славянскій переводъ по рукописной Іоакимовской Библии 1558 г., по Острожской Библии и, наконецъ, по Елизаветинской Библии (1757 г.), представляющей послѣднюю и наиболѣе исправную редакцію славянскаго перевода, отмѣчаетъ исправки или измѣненія, которымъ въ каждой изъ этихъ редакцій подвергался славянскій текстъ, и подвергаетъ послѣдній подробному сличенію съ греческимъ текстомъ, а затѣмъ разсматриваетъ подобнымъ же образомъ русскіе переводы прот. Сергіевского и Синодальнаго изданія. Оба русскіе перевода, такъ же какъ и славянскій переводъ послѣдней редакціи, отличаются особою близостью къ греческому тексту, доходящую нерѣдко до буквализма, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они отступаютъ отъ греческаго текста и не чужды по-

грѣшностей. „Синодальный перевод“, говоритъ авторъ, отличается большою точностью въ отношеніи къ подлиннику и большою чистотою языка, чѣмъ переводъ Сергіевскаго, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ всецѣло совершеннымъ. Онъ содержитъ въ себѣ излишніе славянизмы, соблюдаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отразившуюся въ греческомъ переводѣ семитическую разстановку словъ, слѣдуетъ *позднему корректурному греческому списку*, а главное, переноситъ въ себя нѣсть погрѣшности греческаго текста (стр. 168)*. Авторъ, къ сожалѣнію, умалчиваетъ, что это за „поздній корректурный греческій списокъ“, на слѣдованіе которому онъ указываетъ, какъ на одинъ изъ недостатковъ Синодальнаго перевода, а тѣми замѣчаніями, которыя предшествуютъ приводимому нами заключенію автора, онъ не только не разъясняетъ, но затемняетъ этотъ вопросъ. „Изъ бывшаго подъ руками у послѣднихъ переводчиковъ греческаго кодекса они приняли въ текстъ“, говоритъ онъ, „вночтенія по срашенію съ код. П (т. е. съ Ватиканскимъ) и переводомъ Сергіевскаго: П, 2 „какихъ не было“ вм. не „сдѣлалъ“, и проч. (стр. 168). Но эти „вночтенія“ встрѣчаются, какъ видно изъ собственныхъ указаній автора, во многихъ кодексахъ. Такъ, первое изъ нихъ, приведенное нами, встрѣчается, по указанію самого автора, въ 14 кодексахъ, т. е. болѣе, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ греческихъ списковъ. Встрѣчается оно, какъ видно изъ изданій Holmes-Pagsons, Fritzsche и Swete, также въ Александрійской рукописи, указаніе на которую авторомъ пропущено, очевидно, по недосмотру и которую самъ онъ называетъ древнѣйшимъ изъ кодексовъ. Мало того; то, что онъ считаетъ „вночтеніемъ по срашенію съ код. П“, едва-ли можно назвать вночтеніемъ, потому что въ этомъ кодексѣ читается οὐκ ἐποίησεν, а не ἐποίησεν, какъ видно изъ изданія Swete и Vercellone-Cozza.¹⁾ Также διὰ δὲ τοῦ (IV, 6) находится въ 20 кодексахъ и, между прочимъ, въ код. П; слѣдовательно не составляетъ „вночтенія“.

¹⁾ Авторъ правдыне могъ бы указать на отсутствіе въ код. П словъ: „что Онъ манедетъ на насъ волакии бѣдствія, какихъ“.

На какомъ же основаніи авторъ утверждаетъ, что подобнаго рода „инотчєнія“ приняты переводчиками изъ какого то позднѣяго корректурнаго греческаго списка? Незнакомство съ Ватиканскимъ кодексомъ (II) приводитъ автора также ко многимъ другимъ погрѣшностямъ (такъ въ Ш, 4 слова *Госнода*, вопреки утѣренію автора, нѣтъ въ код. II) и, между прочимъ, къ невѣрному сужденію о переводѣ прот. Сергіевскаго. „Послѣдній“, по словамъ о. Антошина, только одинъ разъ отступаетъ отъ код. II на сторону код. 51, 62, 88, 231. Vet. Lat. b: II, 2 *хадѣ ѣпоіудев* (стр. 159)“. Но послѣднія слова находятъ не только въ указанныхъ авторомъ кодексахъ, но также въ код. II; поэтому прот. Сергіевскій въ разсматриваемомъ мѣстѣ не отступаетъ отъ код. II, а слѣдуетъ ему. Не можемъ мы согласиться съ тѣмъ заключеніемъ автора, что Синодальный переводъ „переноситъ въ себя всѣ погрѣшности греческаго текста“, — не можемъ не только потому, что не все то, что авторъ признаетъ погрѣшностями, мы признаемъ за таковыя, но и потому, что самъ авторъ указываетъ въ Синодальномъ переводѣ нѣсколько такихъ мѣстъ, въ которыхъ устранены, по его мнѣнію, погрѣшности греческаго текста, удержавшіяся почти во всѣхъ другихъ переводахъ (стр. 170—173). Что слѣдуетъ разумѣть подѣ „излишними славянизмами“, изъ сочиненія автора не видно, потому что хотя онъ и отмѣчаетъ (стр. 166) нѣкоторыя „славянскія слова и формы“ въ Синодальномъ переводѣ (очи, изрекъ, гласъ, праведенъ, сотворилъ, даровавший, грядущій, Господи Боже), но не только не указываетъ, какія изъ нихъ излишни, но самъ въ своемъ сочиненіи и въ своемъ русскомъ переводѣ повторяетъ нѣкоторыя изъ нихъ и даже увеличиваетъ число ихъ другими, какъ „приндѣте“ (IV, 14), „беззаконновали, неправдовали“ (II, 12). Авторъ видитъ въ Синодальномъ переводѣ даже „наивно (?) непосредственное копированіе буквы (стр. 172)“, но упрекъ этотъ намъ кажется несправедливымъ и можетъ быть объясненъ, по нашему мнѣнію, лишь своеобразнымъ воззрѣніемъ автора на

задачи перевода, -- возрѣніємъ, къ которому мы присоединиться не можемъ.

Общее заключеніе о. Антонина изъ разсмотрѣнія древнихъ переводовъ сводится къ тому, что руководящее значеніе при возстановленіи еврейскаго первоначальнаго текста долженъ имѣть только греческій переводъ, какъ непосредственно происшедшій изъ еврейскаго оригинала, и отчасти сирскій, какъ обнаруживающій нѣкоторое знакомство съ послѣднимъ. Прочіе же переводы, какъ передающіе лишь греческій текстъ и повторяющіе его неточности и ошибки, „къ главной зацѣлѣ нашего труда имѣютъ притяженіе“, говоритъ онъ, „своею отрицательною стороною, убѣждая насъ въ томъ, насколько помощь этихъ переводовъ въ нашихъ поискахъ первоначальнаго текста слабосильна. — значеніе ихъ въ реставраціи этого текста ограничивается исторіей текста, да кое-гдѣ экзегетическомъ книгъ (стр. 173—174)“.

Заканчивается 1-я часть изслѣдованія о. Антонина разсмотрѣніемъ Френкелева перевода книги Варуха съ греческаго текста на еврейскій языкъ (1830 г.) и трехъ опытовъ возстановленія еврейскаго первоначальнаго текста книги, принадлежавшихъ Насснеру (1833 г.), Гербету (1886 г.) и Клевверу (1879). Авторъ подвергаетъ тщательному критическому разбору эти опыты, и первый изъ нихъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, признаетъ неудачнымъ. Болѣе удачными онъ признаетъ второй изъ нихъ и въ особенности третій, но и въ немъ онъ отмѣчаетъ не мало недостатковъ.

Вторая часть разсматриваемаго изслѣдованія состоитъ изъ „возстановленія текста“ и трехъ приложений: возстановленнаго еврейскаго текста и славянскаго и русскаго переводовъ его. „Возстановленіе текста“ состоитъ собственно изъ подробнаго критическаго и отчасти экзегетическаго комментарія, въ которомъ подыскивается каждое слово и выраженіе предполагаемаго авторомъ еврейскаго первоначальнаго текста книги и объясняется, почему именно такъ, а не иначе онъ долженъ быть

возстановленъ. Конечно, относительно тѣхъ мѣстъ книги, которыя, по мнѣнію автора, съ точностью переведены въ греческомъ текстѣ и которыя буквально или почти буквально соответствуютъ еврейскому тексту той или другой изъ книгъ свящ. Писанія, задача автора была не трудною: нужно было лишь подыскать соответствующее выраженіе въ еврейской Библии или опредѣлить, при помощи перевода LXX, какимъ словамъ и выраженіямъ еврейскаго языка соответствуютъ слова и выраженія греческаго текста. Но такого рода мѣстъ въ книгѣ автора находимъ сравнительно мало; онъ въ каждомъ почти стихѣ, въ каждомъ почти выраженіи греческаго общепринятаго текста усматриваетъ неточности или ошибки переводчика или переписчиковъ и сираничиковъ. Поэтому автору предварительно приходится болѣею частью выяснять эти ошибки или неточности въ греческомъ текстѣ и устанавливать правильное чтеніе въ немъ путемъ въ высшей степени кропотливой и сложной работы и при помощи разнообразныхъ пріемовъ: чрезъ сличеніе различныхъ списковъ греческаго и другихъ переводовъ, чрезъ опредѣленіе логической связи и хода мыслей и выясненіе смысла, чрезъ грамматическій разборъ, чрезъ разборъ мнѣній различныхъ критиковъ и толкователей, путемъ аналогій или предположеній и т. под. и затѣмъ уже возстановлять каждое слово еврейскаго текста. Встрѣчаются въ греческомъ текстѣ книги Варуха и такія слова и выраженія, какихъ нѣтъ въ переводѣ LXX и еврейскій прототипъ которыхъ авторъ долженъ былъ опредѣлять лишь гадательно. Изъ сказаннаго видно, какой глубокій интересъ можетъ представлять разсматриваемый комментарий, составляющій плодъ тщательнаго изученія какъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ Св. Писанія въ ихъ полномъ текстѣ и въ переводѣ LXX, такъ въ особенности cadaго слова, cadaго выраженія книги Варуха, и не однимъ только греческомъ текстѣ со множествомъ его разночтеній, а во всѣхъ важнѣйшихъ изъ существующихъ переводовъ, и дающихъ множество разнообразныхъ свѣдѣній: грамматическихъ,

критико-текстуальныхъ, экзегетическихъ и др. Но тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ здѣсь авторъ, т. е. исправленіе греческаго текста и возстановленіе еврейскаго оригинала книги, мы къ глубокому сожалѣнію не можемъ признать достигнутыми авторомъ. Общепринятый греческій текстъ книги Варуха, безъ сомнѣнія, не чуждъ многихъ погрѣшностей. Нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей, повидимому, вѣрно опредѣлены и выяснены авторомъ или его предшественниками. Но мы не имѣемъ никакихъ болѣе или менѣе твердыхъ основаній для убѣжденности въ томъ, что текстъ этотъ настолько искаженъ, какъ утверждаетъ авторъ, и что онъ первоначально имѣлъ дѣйствительно тотъ именно видъ, какой дается ему авторомъ. Авторъ слишкомъ много субъективизма вноситъ въ свою работу, слишкомъ часто дѣло критики подводитъ подъ свои личныя догадки и предположенія. Изъ своихъ сужденій онъ болѣею частью исходитъ не изъ твердо установленныхъ текстуальною критикою началъ, а изъ того еврейскаго оригинала, который предносится ему въ мысли, или изъ экзегетическихъ соображеній, — онъ слишкомъ усердно ищетъ слѣдовъ еврейскаго оригинала въ греческомъ текстѣ, открывая ихъ тамъ, гдѣ, при болѣе безпристрастномъ отношеніи къ тѣлу, сомнѣніе не оказывается ихъ, и признавая иногда ошибками, происшедшими изъ неправильнаго чтенія или перевода еврейскаго оригинала, тамъ же самыя обычныя греческія выраженія, не имѣющія никакого отношенія къ еврейскому языку. Онъ также слишкомъ много довѣрія оказываетъ, по нашему мнѣнію, переводу Пешито, принадлежащему, какъ видно изъ данныхъ, сообщаемыхъ самимъ авторомъ, къ числу переводовъ, наиболѣе испорченныхъ и наиболѣе переполненныхъ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями, и слишкомъ самоувѣренно нѣкоторыя мѣста изъ этого перевода заноситъ въ текстъ, какъ находившіяся въ еврейскомъ оригиналѣ. Неудивительно поэтому, что авторъ дѣлаетъ столько измѣненій въ греческомъ текстѣ книги Варуха, сколько не дѣлалъ, насколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ его пред-

шественниковъ, не исключая Кнейкера, служившаго главнымъ руководителемъ автора. Но, признавая греческій текстъ переполненнымъ погрѣшностями почти въ каждомъ стихѣ и выраженіи и придавая нѣкоторымъ мѣстамъ его почти неузнаваемый видъ, авторъ не только требуетъ слишкомъ много довѣрія къ себѣ отъ читателей въ этой части работы, но и подрываетъ довѣріе къ возможности осуществленія главной своей задачи возстановленія еврейскаго оригинала. Мы сомнѣваемся въ возможности возстановленія оригинала даже по точному переводу; но тѣмъ болѣе не можемъ быть увѣрены въ возможности возстановить оригиналъ по столь искаженному переводу, какимъ авторъ признаетъ греческій текстъ книги Варуха. Эта неувѣренность является тѣмъ болѣе законною, что отъ писателя книги не сохранилось ни одной строки, написанной по еврейски,—строки, по которой можно было бы судить объ особенностяхъ его языка и стиля, и что мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы провѣрить каждое выраженіе греческаго текста и опредѣлить, насколько точно переводчикомъ передается оригиналъ. Если мы даже признаемъ, выѣстъ съ авторомъ, нѣкоторыя мѣста греческаго текста книги послужили ясные слѣды еврейскаго слововыраженія и отображающими еврейскій прототипъ; то для опредѣленія еврейскаго слововыраженія въ остальной части книги нѣтъ никакихъ болѣе или менѣе твердыхъ данныхъ, и оно можетъ быть установлено лишь гадательно. Самъ авторъ вполне справедливо признаетъ, что „возстановленный тщательными изысканіями текстъ книги Варуха не можетъ претендовать на безусловную вѣрность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (стр. 43)“. Но мы думаемъ, что текстъ этотъ не можетъ претендовать и на названіе его еврейскимъ оригиналомъ книги,—правильнѣе, по нашему мнѣнію, было бы назвать его переводомъ или переложеніемъ греческаго текста на еврейскій языкъ. Намъ кажется даже самая попытка возстановленія еврейскаго оригинала нѣсколько преждевременною. Несмотря на всю эрудицію и на

ту громадную энергію, которую авторъ проявилъ при отыскиваніи слѣдовъ еврейскаго оригинала въ греческомъ текстѣ, мнѣніе автора о первоначальномъ написаніи книги на еврейскомъ языкѣ должно быть отнесено, по нашему убѣжденію, лишь къ числу наиболѣе обоснованныхъ и наиболѣе достовѣрныхъ, но не исключającychъ возможности сомнѣнія.

Для ознакомленія съ тѣми приемами, какими пользуется авторъ при критикѣ греческаго текста и возстановленія еврейскаго оригинала, позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ.

На стр. 197 авторъ, ссылаясь на нѣкоторые списки греческаго текста и на нѣкоторые переводы, говоритъ, что въ I, 1 „первоначальнымъ должно быть признано греческое чтеніе $\Sigma\alpha\delta\iota\omicron\upsilon$, а не $\Lambda\sigma\alpha\delta\iota\omicron\upsilon$ “, но въ Пешито вмѣсто этого имени стоитъ другое, „вышедшее изъ разночтенія группы буквъ подлинника (?) $\Sigma\upsilon\tau\omega$ “, а потому авторъ послѣднее имя (Серайи) признаетъ за находившееся въ первоначальномъ еврейскомъ текстѣ. Сомнительною намъ кажется первоначальность въ греческомъ текстѣ имени $\Sigma\alpha\delta\iota\omicron\upsilon$, вмѣсто $\Lambda\sigma\alpha\delta\iota\omicron\upsilon$, которое не только подтверждается свидѣтельствомъ большинства греческихъ списковъ и между прочимъ самаго древняго и наиболѣе авторитетнаго (cod. Vatic.), но и встрѣчается въ *Babliin* (I Пар. III, 20), а предпочтеніе чтенія Пешито всѣмъ другимъ переводамъ совершенно неосновательнымъ. Разсматриваемый стихъ въ Пешито сохранился въ крайне искаженномъ видѣ. Самъ авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя изъ этихъ искаженій: пропускъ нѣкоторыхъ словъ, неизвѣстно откуда явившіяся дополненія, произвольная замѣна однихъ словъ другими и т. под. Откуда же авторъ почерпаетъ свою увѣренность въ томъ, что греческій переводчикъ исказилъ стоявшее въ еврейскомъ оригиналѣ собственное имя и что имя Серайи внесено въ переводъ Пешито изъ подлиннаго еврейскаго текста, а не относится къ числу тѣхъ искаженій, которыми переполненъ разсматриваемый стихъ въ Пешито?

Въ Вар. I, 8 упоминается о возвращеніи изъ Вавилона серебряныхъ храмовыхъ сосудовъ, сдѣланныхъ Седекіею. Но объ этомъ не знаетъ ни одинъ еврейскій писатель; не упоминаетъ объ этомъ и Священная дѣтопись, а что она упомянула бы объ этихъ сосудахъ, если-бы сообщеніе о нихъ соответствовало дѣйствительности, это, по словамъ автора, „виѣ сомнѣнія“. Отсюда авторъ приходитъ къ заключенію, что указанное сообщеніе въ книгѣ Варуха возникло вслѣдствіе искаженія греческаго перевода. Поэтому онъ начинаетъ, путемъ очень смѣлыхъ предположеній и различныхъ соображеній „исправлять“ текстъ (стр. 21, 22), вслѣдствіе чего разсматриваемый стихъ, по собственному выраженію автора, „становится почти неузнаваемъ“. И въ этомъ новомъ, „почти неузнаваемомъ видѣ“ стихъ записанъ авторомъ, какъ подлинный, въ восстановленный текстъ. Мы не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе самыхъ пріемовъ „исправленія“ этого стиха; но не можемъ не указать на ту поспѣшность, съ которою авторъ приходитъ къ заключенію объ искаженіи текста. Думаемъ, что въ случаяхъ, подобныхъ разсматриваемому, автору слѣдовало-бы не забывать приводимаго имъ самимъ (стр. 17) выраженія: „по отношенію къ исторіи древнихъ лучше сознаваться въ незнаніи, чѣмъ торопиться съ отрицаніемъ“. Если бы наши предшественники, жившіе до новейшихъ открытій въ Египтѣ, Вавилоніи и Ассиріи, — открытій, освѣтившихъ множество фактовъ, описываемыхъ въ книгахъ Св. Писанія, — исправляли текстъ Библии по тѣмъ основаніямъ, изъ какихъ исходитъ въ данномъ случаѣ авторъ, то въ какомъ бы видѣ мы имѣли ее?

На стр. 242 въ выраженіи *ὅς ἦν ἡν ἡν* (II, 14) авторъ признаетъ послѣднее слово ошибкою переводчика, потому что при этомъ выраженіи обыкновенно стоитъ не *καὶ* *πρόσωπον*, какъ здѣсь, а *ἐναντίον*, а потому превращаетъ эти слова по сирскому тексту въ выраженіе: „возбуди состраданіе“, вопреки чтенію всѣхъ другихъ переводовъ и не обра-

щая вниманія на аналогичное выраженіе въ Тов. I, 13, *ἐν ὁμοίᾳ* == *κατὰ πρόσωπον*.

На стр. 314 авторъ говоритъ: 'Гробоѣзъта *ἐκ τῆς φωνῆς* (IV, 8) надо (?) возстановлять съ Ергардомъ, Рейшемъ и Кнекеромъ изъ Второз. XXXII, 18. Правда, упрекъ (неизвестно, кому принадлежащій) въ этой отдаленности нашего перевода можетъ относиться и къ недостатку нашей провицательности при отысканіи оригинала, но изъ всѣхъ гипотезъ, къ какимъ, даетъ право библейскій параллелистическій лексиконъ, указанная удовлетворительнѣе прочихъ". На основаніи этой *личности* авторъ разсматриваемое мѣсто возстановляетъ такъ: „Вы звали Бога *Годителя* своего (им. питающаго васъ, и Иерусалимъ, *родительницу* свою“ (им. воспитавшій васъ), хотя далѣе (въ 11 ст.) самъ авторъ читаетъ: „Я воспитывала ихъ съ родностью“.

На стр. 350—351 авторъ сопоставляетъ Вар. IV, 13—14 съ Тов. XXXIV, 27 и замѣчаетъ: „хотя это, почти буквальное, сходство не болѣе, какъ *случайности*, тѣмъ не менѣе оно *колеблетъ* вѣру въ непосредственную близость данного греческаго текста Варуха къ его еврейскому оригиналу. Не вѣдѣли мы и здѣсь такой же свободной перефразировки еврейскаго текста, какую видимъ въ кн. Іова? Наше *необозрѣнѣе переломитъ въ увѣренность*, когда мы обратимъ вниманіе на то, что Пешито вмѣсто *ἐκ νόμου* читаетъ совсѣмъ другое слово, которое *должно* находиться въ подлинникѣ или быть ошибочнымъ чтеніемъ сходнаго съ нимъ слова, стоящаго въ книгѣ Іова. „Объ *возможности* важны тѣмъ, что *утверждаютъ*.. неточность греческаго *ἐκ νόμου* и приближаютъ искомый текстъ къ еврейскому Тов. XXXIV, 27“. На основаніи указанного „случайнаго“ сходства и двухъ „возможностей“ авторъ „возстановляетъ текстъ примѣнительно къ тексту книги Іова.

Въ Вар. IV, 34 по греческому тексту читается: „Я отниму у нея радость о множествѣ (ея) народа (или множества народа), и хвастовство ея будетъ въ печаль“. Но авторъ находитъ въ

греческомъ текстѣ этого стиха „*υροδινον*, не соответствующее ни грамматической связи, ни формамъ (?), словораздѣленіе (стр. 379—380)“. Главное основаніе для этого сурового приговора авторъ находитъ въ словахъ ἀγαλλίαμα τῆς πολυοχλίας, изъ которыхъ послѣднее въ переводѣ LXX и вѣббейской литературѣ (у Полюбія) употребляется въ значеніи народа, многочисленной толпы или множества народа, какъ это можно видѣть изъ извѣстнаго словаря Шлейснера (Nov. Thesaur. IV, 410) или изъ изслѣдованія проф. Корсунскаго о переводѣ LXX (стр. 256). Но авторъ не принимаетъ этого во вниманіе. Онъ понимаетъ разсматриваемое слово только въ смыслѣ шума, и разсуждаетъ такъ: „Πολυοχλίας нельзя (?) разбирать ни какъ genitivus subjectivus, ни какъ genit. objectivus, ни тѣмъ болѣе, какъ genitivus descriptivus: ликованіе шума, шумное ликованіе“. При ясности (?) соответствія πολυοχλίας еврейскому שִׁמְעָה смыслъ оригинала требуетъ обратнаго между ἀγαλλίαμα и πολυοχλία отношенія: шумъ ликованія или шумное ликованіе. А такъ какъ предполагать допущенный переводчикомъ метатезисъ нѣтъ основаній, то исправленіе текста должно быть достигнуто другимъ способомъ“, — именно при помощи Іезек. XXVI, 13 и Плач. V, 15, хотя въ первомъ изъ этихъ мѣстъ (по переводу LXX) нѣтъ ни одного слова изъ встрѣчающихся въ разсматриваемомъ стихѣ, а во второмъ находится лишь εἰς πένθος. Авторъ слово πολυοχλίας изъ опредѣленія превращаетъ въ дополненіе, слово ἀγαλλίαμα переносятъ изъ одного предложенія въ другое и передѣлываетъ изъ подлежащаго въ опредѣленіе, сказуемое περίελθω, какъ оказавшееся теперь неумѣстнымъ, замѣняетъ другимъ, какъ болѣе подходящимъ, слово αὐτῆς выбрасываетъ, какъ „прибавку переводчика“, и стихъ этотъ получаетъ слѣдующій, совершенно неузнаваемый видъ: „И Я превращу ея хороводы и шумъ ея въ печаль“.

Огносительно Вар. V, 8 (А лѣса и всякое благовонное дерево осѣняли Израиля по повелѣнію Божию) авторъ говоритъ

(стр. 393—394): „Въ выраженіи ἐσχίσαν οἱ ὄφεις καὶ τὸν ξύλον ἐβωδίας чувствуется смысловая несоразмерность. Субъектъ ξύλον ἐβωδίας не имѣетъ органическаго отношенія къ предикату ἐσχίσαν, такъ какъ благовоице, запахъ можетъ реагировать не тѣмъ, а озонирующимъ, санитарнымъ воздѣйствіемъ. Примѣнительно къ чтенію псалма Соломонова (IV, 6) надо бы и здѣсь помен προστάγματι развернуть въ еврейское verbum. Если же сохранить единство предиката, то ξύλον ἐβωδίας должно быть соединяемо съ ὄφεις не только формально — καὶ, но и смысловно — суффиксомъ, какъ Ис. XLIV, 23 (шумите отъ радости дѣсь и всѣ деревья въ немъ). Само ξύλον ἐβωδίας, не встрѣчаясь у LXX, смущаетъ насъ несоразмерностью атрибута, отнесеннаго къ помен: признакъ уже своего субъекта. Εβωδία соотвѣтствуетъ еврейскому עֵץ. Если въ послѣднемъ прозвѣвать суффиксъ и слѣдовательно □ корректировать къ □, то не трудно будетъ догадаться, что ξύλον ἐβωδίας вычитано изъ עֵץ הָעֵץ (дерево плодоносное)“. Но такъ какъ конечное □ при послѣднемъ словѣ неумѣстно, то ему, по объясненію автора, „слѣдуетъ искать другого объясненія. Подразумѣвая при ξύλον самостоятельный предикатъ, мы этимъ самымъ ослабляемъ интуитивное касательство ξύλον къ ὄφεις, и суффиксъ при ξύλον становится излишнимъ. А такъ какъ □ должно стоять въ текстѣ непременно, то остается превратить его въ преформативъ слѣдующаго слова, помѣчая въ подлинникѣ scriptio continua, которое было раздѣлено и прочитано“ переводчикомъ непрерывно. На основаніи этихъ длинныхъ разсужденій, не столько разъясняющихъ, сколько запутывающихъ дѣло и затемняющихъ то, что вполне ясно, авторъ „исправляетъ“ текстъ и замѣняетъ благовоицыя деревья плодоносными. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ исходитъ изъ произвольнаго отнесенія сказуемаго ἐσχίσαν не къ подлежащему ξύλον, а къ опредѣленію послѣдняго ἐβωδίας, и не принимаетъ во вниманіе того, что нѣкоторые изъ благовоиныхъ деревьевъ такъ же могутъ „реагировать тѣмъ“, какъ и плодоносныя деревья, что слова ξύλον и ἐβωδία встрѣчаются

въ переводѣ LXX, что разсматриваемое сочетаніе ихъ столь же естественно, какъ $\xi\lambda\omicron\nu\ \pi\alpha\nu\ \kappa\alpha\rho\pi\acute{o}\nu$ (Еккл. II, 5) и т. под., что въ послѣднемъ выраженіи, такъ же какъ въ соотвѣствующемъ ему и возстановляемомъ авторомъ чтеніи еврейскаго текста и во множествѣ другихъ аналогичныхъ выраженій „признакъ уже своего субъекта“ и что никого, не исключая самого автора, не „смущаетъ несоразиѣрность атрибута“ въ этихъ выраженіяхъ.

Полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, на какихъ шаткихъ основаніяхъ о. Антоній находитъ возможнымъ построить исправленіе и возстановленіе текста. Считаемъ долгомъ справедливости, впрочемъ, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ при исправленіи греческаго текста стоитъ на болѣе твердой почвѣ; но для возстановленія еврейскаго оригинала греческій и другіе переводы не даютъ, по нашему убѣжденію, никакихъ болѣе или менѣе твердыхъ основаній за исключеніемъ развѣ только отдѣльных нѣсколькихъ словъ и выраженій.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе языка помѣщенныхъ въ приложеніи еврейскаго (возстановленнаго авторомъ) текста и славянскаго перевода его, предоставляя судить о достоинствахъ ихъ лицамъ, болѣе компетентнымъ. Но относительно принадлежащаго автору русскаго перевода считаемъ нужнымъ замѣтить, что онъ не вездѣ соотвѣтствуетъ собственнымъ объясненіямъ автора. Такъ, на стр. 22 авторъ переводитъ I, 8 слѣдующимъ образомъ: „когда (или *послѣ того какъ*) онъ (Іерусалимъ) былъ уже взятъ“, но въ русскомъ текстѣ, находящемся въ приложеніи, читается: „ибо онъ былъ уже взятъ“. Въ литературномъ отношеніи текстъ этотъ значительно уступаетъ Синодальному переводу, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ II, 12, *беззаконновали, неправдовали*; II, 27: но Ты, Господи Боже нашъ, и сотворишь съ нами...; IV, 1: всѣ держащіеся его (закона) — въ жизнь, оставляющіе его умрутъ; IV, 24: спасеніе Бога вашего, которое

приидеть *мына*; IV, 36—37: Иерусалимъ, познми на костокъ глазъ свои... воть пдути твои дѣти, которыхъ ты *опицунити* и т.д. Также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго изслѣдованія языкъ недостаточно обработанъ, тяжелъ и туманенъ, и изобилуетъ излишними иностранными словами и терминами. Сочиненіе непереносимо массою цитатъ, свидѣтельствующихъ о большой начитанности автора, но нѣкоторыя изъ нихъ не точны и, по видимому, не проверены авторомъ; онъ лишаетъ также и читателей возможности проверить большую часть цитатъ, какъ состоящихъ лишь изъ указанія имени безъ обозначенія сочиненій, вѣданій и страницъ. Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что авторъ иногда не совѣтъ точно излагаетъ мнѣнія и сужденія цитруемыхъ имъ писателей. Такъ, на стр. 29 онъ приписываетъ Кнейкеру слѣдующія слова: „Во всей древности *іудеи и христіане* на политическіе перевороты, а въ особенности на грозныя явленія природы... смотрѣли, какъ на *предзнаменованія приближающейся Немезиды*, престестія суда Божія, дня левоы, наступленія послѣдняго періода в ризсѣтъ новаго времени (Мрк. XIII, 8; Тац. I, 2; Плині. Млад. Письма III, 16, 20; Светоній Titus 8; Дион. Кассій LXXI, 21, 24)“. Слова эти могутъ вызвать въ читателѣ рядъ недоумѣній. Неужели іудеи и христіане раздѣляли языческое вѣроуиіе въ Немезиду? Почему Кнейкеръ ссылается на Тацита и другихъ писателей, которые въ указанныхъ мѣстахъ ничего не говорятъ объ іудеяхъ и христіанахъ? Какой смыслъ имѣеть ссылка „Тацитъ I, 2“, когда извѣстно, что Тациту принадлежать нѣсколько сочиненій? Что значить ссылка на Плинія, который въ указанномъ мѣстѣ ничего не говоритъ не только объ іудеяхъ и христіанахъ, но и о грозныхъ явленіяхъ природы или политическихъ переворотахъ? Но въ дѣйствительности Кнейкеръ никакого повода къ подобнаго рода недоумѣніямъ не даетъ. То, что сказано здѣсь о Немезидѣ, у Кнейкера (стр. 51—52) относится не къ іудеямъ и христіанамъ, а къ народамъ древности, къ которымъ относятся также ссылки на Тацита и прочихъ

писателей. Тацитъ процитованъ Кнейкеромъ правильно (Tacit. Histor. 1, 2). Ошибка въ ссылкѣ на Плинія исправлена (въ печаткахъ) самимъ Кнейкеромъ (IV вѣ. III). Относительно іудеевъ и христіанъ Кнейкеръ ссылается лишь на Евангеліе Марка. Но эти, равно какъ и другіе подобныя имъ недостатки и недосмотры, трудно устранимыя и болѣе или менѣе неизбѣжныя въ столь сложныхъ и кропотливыхъ работахъ, какъ разсматриваемая, нисколько не мѣшаютъ значенію послѣдней, какъ солиднаго научнаго изслѣдованія.

Изслѣдованіе о. Антонина составляетъ плодъ многолѣтняго усидчиваго труда и тщательнаго изученія предмета и относящейся къ нему обширной литературы. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, но наиболѣе цѣнныхъ произведеній нашей библіологической литературы, которая основывается на критическомъ изученіи библейскихъ текстовъ. Вѣтхозавѣтныя книги св. Писанія представляютъ собою собственно памятники священной древне-еврейской письменности. Поэтому къ нимъ должны быть примѣняемы въ общемъ тѣ же научныя приемы изслѣдованія, какія примѣняются къ изученію всѣхъ памятниковъ древней письменности. Въ основу изслѣдованія каждой книги, дошедшей до насъ въ нѣсколькихъ текстахъ, должно быть положено критическое изученіе всѣхъ текстовъ ея, установленіе правильнаго чтенія каждаго выраженія, каждаго слова въ ней, тщательное изученіе языка и содержанія ея и сравненіе ея съ другими, сходными съ нею памятниками библейской и внѣ-библейской письменности. Здѣсь, въ этой работѣ, заключается ключъ не только къ правильному пониманію содержанія той или другой книги, но и къ рѣшенію почти всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ, возникающихъ при научномъ изученіи этихъ книгъ. Но подобнаго рода работа возможна лишь для лицъ, обладающихъ глубокими и многосторонними филологическими знаніями, т. е. такими, которыми большинство нашихъ богослововъ облачаютъ въ недостаточной степени. Неудивительно поэтому, что этотъ, наиболѣе цѣлесообразный и плодотворный, но вмѣстѣ

съ тѣмъ и наиболѣе труднымъ способомъ изученія библейскихъ книгъ, широко практикуемый лучшими изъ западныхъ бого-словцовъ, рѣдко применяется къ дѣлу нашимъ библіологами. Къ числу этихъ, рѣдко появляющихся у насъ произведеній, относится и разсматриваемое нами изслѣдованіе, и уже это одно обстоятельство, помимо многихъ достоинствъ его, даетъ ему право на одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду научныхъ трудовъ по изученію Св. Писанія. Хотя авторъ при разсмотрѣніи многихъ частнѣйшихъ вопросовъ находится въ зависимости отъ предшествовавшихъ изслѣдователей и пользуется въ некоторыхъ пособіяхъ изъ вторыхъ рукъ, тѣмъ не менѣе эрудиція и начитанность его замѣчательныя; значительная часть сочиненія составляетъ результатъ самостоятельнаго изученія и собственныхъ изысканій автора, а энергія, проявленная авторомъ въ стремленіи къ достиженію намѣченныхъ цѣлей, и способность его къ самой кропотливой работѣ—прямо поразительны. Главную цѣль, которую авторъ преслѣдовалъ въ своей работѣ, —возстановленіе еврейскаго первоначальнаго текста книги Варуха,—мы считаемъ не только не достигнутою авторомъ, но и недостижимою при современныхъ научныхъ средствахъ. Но послѣднее положеніе мы высказываемъ не въ смыслѣ общепризнанной истины, а въ качествѣ своего личнаго убѣжденія, и нисколько не удивляемся тому, что авторъ, увлекавшись примѣромъ нѣкоторыхъ изъ западныхъ ученыхъ, дѣлавшихъ опыты возстановленія еврейскаго оригинала книги Варуха, и своею идеею—внести нѣчто новое въ нашу библіологическую литературу, затѣлся недостижимою, по нашему мнѣнію, цѣлью. Мы считаемъ также ошибочными нѣкоторые изъ тѣхъ приѣмовъ, которыми пользуется авторъ при извѣщеніи греческаго текста и возстановленія еврейскаго оригинала и которыми объясняются главные изъ выше отмѣченныхъ нами недостатковъ его труда. Но эти приемы въ западной научно-богословской литературѣ получали въ нѣкоторомъ родѣ право гражданства,—ими въ особенности широко пользуется извѣст-

ная часть критиковъ для проведенія своихъ гипотезъ и для приведенія библейскаго текста въ такой видъ, какой наиболѣе можетъ благопріятствовать извлеченію изъ него желаемыхъ выводовъ. Неудивительно поэтому, что авторъ, подъ вліяніемъ своихъ западныхъ руководителей, дѣлаетъ иногда уклоненія отъ требованій строго-научной критики. Но эти недостатки вполне вознаграждаются многими высокими достоинствами разсматриваемаго труда. Въ особенности цѣнною и наиболѣе соотвѣтствующею потребностямъ нашей богословской науки мы считаемъ историко-красногическую часть, на которую можно смотрѣть, какъ на цѣльную, законченную научную работу, и въ которой авторъ, въ противоположность господствующему въ протестантской библіологической литературѣ стремленію отрицать подлинность неканоническихъ книгъ Св. Писанія и отодвигать происхожденіе ихъ къ возможно болѣе позднему времени, приходитъ, путемъ научнаго изслѣдованія, къ выводамъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ православною точкѣ зрѣнія. Хотя тотъ отдѣлъ въ этой части, который посвященъ разсмотрѣнію древнихъ переводовъ, въ значительной части недоступенъ для большинства нашихъ библіологовъ, но это не умаляетъ его высокаго научнаго значенія. По той полнотѣ, съ какою авторъ производитъ сличеніе переводовъ, и по тому вниманію, какое онъ оказываетъ переводамъ, существующимъ на малозвѣстныхъ языкахъ, этотъ отдѣлъ составляетъ единственное, безпримѣрное явленіе въ нашей библіологической литературѣ. Работа эта возможна лишь для лицъ, обладающихъ такою рѣдкою энергіею и такими рѣдкими лингвистическими знаніями, какія обнаруживаетъ здѣсь авторъ. Поэтому мы признаемъ разсматриваемое изслѣдованіе дающимъ автору полное право на полученіе искомой степени магистра богословія“.

Справка: Архимандритъ Антонинъ (Градовскій) окончилъ полный курсъ наукъ Киевской духовной Академіи въ іюніѣ 1891 года со степенію кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній,

через представление удовлетворительнаго для сего степени печатнаго сочиненія и публичное защищеніе его.

Постановили: Сочиненіе кандидата богословія, архимандрита Антонина „Книга пророка Варуха,“ согласно съ представленнымъ о немъ отзывамъ, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллокіумѣ, назначивъ оффиціальными оппонентами при защитѣ заслуж. ордин. проф. Н. Дроздова и доцента В. Рибинскаго, время же самаго коллокіума представить назначить Ректору Академіи.

VI. Актъ испытаній: „1902 года 7, 9, 11 ноября подвергнутъ былъ испытаніямъ на степень магистра богословія помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Павелъ Красиль и оказалъ на испытаніяхъ слѣдующія для магистерской степени познанія: по церковной археологіи и литургіи удовлетворительныя (4), по исторіи философіи удовлетворительныя (4), по еврейскому языку удовлетворительныя (4).“

Постановили: Принять съ сѣдѣнію.

VII. Высенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ свѣдѣность о числѣ лекцій, оупущенныхъ наставниками Академіи въ октябрѣ сего года: А) по болѣзни: а) по латинскому языку заслуж. ордин. проф. Н. Дроздовымъ 2 л. (15 ч.), б) по греческому языку заслуж. экстр. проф. прот. І. Корольковскимъ 2 л. (8 ч.); в) по психологіи заслуж. экстр. проф. М. Олещенкомъ 2 л. (17, 8 ч.); г) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ экстр. проф. О. Орнатскимъ 3 л. (18, 30, 31 ч.); д) по древней общей гражданской исторіи доцентомъ Н. Мухинымъ 2 л. (18, 25 ч.); е) по общей церковной исторіи доцентомъ І. Бродовичемъ 1 л. (31 ч.); ж) по нѣмецкому языку лекторомъ Г. Кузьманомъ 2 л. (3 ч.); Б) по исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ: по психологіи за-

служ. экстр. проф. М. Олесницькимъ, 3 л. (28, 29, 31 ч.); В) по личнымъ обстоятельствамъ: а) по догматическому богословію исп. обяз. инспектора Академіи заслуж. экстр. проф. М. Ястребовымъ 1 л. (7 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуж. орд. проф. С. Голубевымъ 7 л. (4, 5, 7, 11, 12 ч.); в) по исторіи философіи и. д. доцента П. Кудрявцевымъ 1 л. (9 ч.); Г) по нахожденію въ отпускѣ: а) по священному писанію новаго завіта экстр. проф. Д. Богдасенскимъ 11 л. (9, 11, 12, 14, 16, 18, 19, 23, 25, 26, 28 ч.); б) по священному писанію ветхаго завіта и англійскому языку доцентомъ В. Рыбинскимъ 3 л. (2, 4 ч.)."

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Докладъ помощника секретаря Совѣта: „По 91 § Уст. дух. акад., Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія Академіи, въ которомъ читается извлеченіе изъ отчета, составленнаго однимъ изъ членовъ Совѣта и Управленія, и произносится однимъ изъ наставниковъ Академіи рѣчь. О семъ имѣю честь доложить Совѣту для назначенія для торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1903 году и для избранія лицъ, на которыхъ возложено будетъ составленіе къ тому времени актовой рѣчи и отчета о состояніи Академіи за текущій учебный годъ.“

Постановили: Для торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1903 году назначить 26 сентября. Составленіе къ этому времени годичнаго отчета возложить на исполняющаго обязанности инспектора Академіи М. Ястребова, а составленіе рѣчи поручить исправляющему должность доцента П. Кудрявцеву, которому и сообщить о семъ съ поясненіемъ,

Объявленія.

ПРІЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется, что съ 16 августа сего 1903 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть приемъ воспитанниковъ.

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ духовной семинаріи.

Примѣчаніе. Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соответствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведенійхъ, для допущенія къ приему въ духовную академию экстерну, представляютъ свидѣтельство объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія.

2) Желателныя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

3) Просьбы о приемѣ въ студенты Академіи подаются вольноотцами лично или *присылаются по почтѣ* на имя ректора Академіи *до 6-го августа*.

4) Къ прошенію о приемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о лицѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему знанію, если оный не духовнаго происхожденія. Лица податного сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія Пращленія также до 6-го августа высылаютъ всѣ вышеозначенные документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную къ 14 августа (но не раньше 12-го).

5) Желаящіе поступить въ число студентовъ Академіи должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

6) Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

7) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются предварительному медицинскому освидѣтельству состоянія ихъ здоровья, а затѣмъ повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты лишь въ случаѣ удовлетворительности состоянія ихъ здоровья и по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

8) Повѣрочныя пріемныя испытанія будутъ произведены, по священному писанію ветхаго и новаго заветъ, догматическому богословію, церковной исторіи общей и русской и одному изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать на заданныя темы сочиненія по нравственному богословію, по одному изъ философскихъ предметовъ и поученіе.

9) Испытаніе *всѣхъ* явившихся будетъ производимо по программамъ семинарскаго преподаванія въ полномъ ихъ объемѣ.

10) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—на казенное содержаніе и стипендіи, а остальные—свокоштными.

11) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій назначаются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзамень. Свободныхъ стипендій для I курса имѣется въ виду не менѣе 5. Число своекоштныхъ студентовъ опредѣляется выѣстительностію академическихъ зданій.